

ОБРАЗ Х.-Р. КАПАБЛАНКИ В СОВЕТСКОЙ ДОВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена рассмотрению образа Х.-Р. Капабланки в советской литературе в период между двумя мировыми войнами. В ходе исследования нами были отобраны тексты, в которых образ Капабланки представлен наиболее явно. Их стоит разделить на тексты, в которых известный шахматист представлен как историческое лицо, и на тексты, в которых он представлен как литературный персонаж. Для текстов первого типа характерно конструирование образа Капабланки при помощи описания его внешности и упоминания деталей биографии. Для текстов второго типа первостепенное значение приобретает манера игры шахматиста и его прозвище – «шахматный автомат».

Ключевые слова: Капабланка, шахматы, шахматный автомат, образ, советская литература

Имя кубинского шахматиста, третьего чемпиона мира Хосе Рауля Капабланки (1888 – 1942) навсегда останется в истории шахмат. Быстрота мышления, техническое совершенство игры в сочетании с элегантными комбинациями сделали его одним из выдающихся шахматистов своего времени. Долгое время он считался непобедимым.

Гроссмейстер производил сильное впечатление на современников и своим обликом: Капабланка знал несколько языков, интересовался многими сферами науки, искусства, спорта.

Все, кто знал шахматиста, отмечали также его неизменное дружелюбие и искренность в общении [1, с. 3 или 2, с. 3].

Долгое время Капабланка совмещал шахматы с карьерой дипломата. В 1913 году он поступил на службу в Министерство иностранных дел Кубы и получил направление в Петербургское консульство. Так Капабланка в первый раз оказался в России, где принял участие в петербургском шахматном турнире 1914 года,¹ в котором участвовали также чемпион мира Э. Ласкер и молодой А. Алехин. Капабланка занял второе место, однако запомнился русским шахматистам своей манерой игры.

---

¹Международный турнир 1914, 08. 04. – 09. 05; проводился в ознаменование 10-летия Петерб. шахм. собрания в 2 этапа – общий т-р и «т-р победителей». Первые 5 призеров общего т-ра допускались в «т-р победителей» <...>. 11 уч-ков из 6 стран, в т. ч. чемп. мира Ласкер и 4 русских шахматиста[3, с. 296].

В 1925 году Капабланка вновь приехал в теперь уже Советскую Россию для участия в первом Московском международном шахматном турнире.² К этому времени он уже четвертый год был чемпионом мира, поэтому интерес к его фигуре был чрезвычайно велик. Приезд шахматиста подробно освещался прессой, Капабланка стал кумиром миллионов москвичей и даже успел сняться в комедийном художественном фильме Вс. Пудовкина «Шахматная горячка» (1925) в роли самого себя. Всего же Капабланка посещал Россию четыре раза: в 1913, 1925, 1935 и 1936 годах [2, с. 3].

Ажиотаж вокруг фигуры шахматиста не мог не вызвать отклика в литературе. В текстах, в которых упоминается имя шахматиста, он представлен одновременно и как историческое лицо, и как персонаж. К последним также относятся тексты, в которых Капабланка является прототипом главного героя. В этой работе нас будет интересовать образ Капабланки, представленный в художественных высказываниях.

Одним из первых таких высказываний стал фельетон В.П. Катаева «Шахматная малярия» (1925), посвященный Московскому международному шахматному турниру 1925 года. Описывая сопутствующие спортивному мероприятию слухи, Катаев приводит и несколько сплетен о Капабланке. В частности, о его проигрыше советскому шахматисту и большевистскому деятелю А. Ильину-Женевскому:

« – Черт вас возьми! Как нравится, я спрашиваю, Ильин-Женевский, который разбил Капабланку?

– Лавочка.

– Позвольте... Но ведь я же сам... Газеты... И вообще...

– Я вам говорю, лавочка. Вы понимаете, и тут замешано...

– Ну?

Шепотом:

– По-лит-бю-ро» [4, с. 102].

Как пишет А. Куляпин: «Невозможность объяснить поражение Капабланки спортивными причинами подталкивала к поиску околоспортивных» [5, с. 42].

В фельетоне Катаева шахматный чемпион действительно появляется по большей части как представитель государства, враждебного СССР: в директиве, якобы переданной Ильину-Женевскому из МК, он назван «империалистическим чемпионом мира» и «кубанским белогвардейцем». Однако паронимическая игра словами «кубинский» и «кубанский» снимает всю серьезность обвинений.

---

² Первый Московский Международный Турнир, 10. 11. 1925 – 08. 12. 1925, «Фонтанный зал» 2-го Дома Советов (гостиница «Метрополь»). Проводился по спец. решению СНК СССР с целью развития шахмат и всемерного их распространения среди трудящихся. 21 уч-к: 10 сов. шахматистов (занявшие 1–8 м. в 4-м чемп.-те СССР и 2 персонально приглашенных) и 11 иностр. мастеров, в т. ч. чемп. мира Х. Р. Капабланка и экс-чемп. мира Эм. Ласкер. Большинство сов. шахматистов впервые участвовали в столь сильном по составу турнире, но выступили успешно. Первое место занял Е. Д. Боголюбов [3, с. 294].

Катаев обыгрывает также слухи о личной жизни кубинского шахматиста, в частности слухи о его многочисленных увлечениях женщинами:

«— Бедняжка Капабланка!

— А что такое, душечка?

— Да как же! Войдите в его положение. Привезли, несчастного, в чужой город. Ни одной знакомой женщины. Холодно. Пальто нету. Языка не знает, в шахматы играет неважно... Ужас!» [4, с. 103].

Один из самых известных портретов Капабланки дан в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928), тему которого, по воспоминаниям Е. Петрова, также подсказал В. Катаев [6, с. 17]. Капабланка появляется в главе «Междупланетный шахматный конгресс», описывающей приезд гроссмейстера в Васюки: «Из фешенебельной гостиницы «Проходная пешка» вышел чемпион мира Хозе-Рауль Капабланка-и-Граупера. Его окружали дамы <...>.

Приветственные крики потрясли город. Хозе-Рауль Капабланка-и-Граупера поморщился. По мановению руки одноглазого к аэроплану была подана мраморная лестница. Доктор Григорьев сбежал по ней, приветственно размахивая новой шляпой и комментируя на ходу возможную ошибку Капабланки в предстоящем его матче с Алехиным.

Вдруг на горизонте была усмотрена черная точка <...>.

— Это он! — закричал одноглазый. — Ура! Ура! Ура! Я узнаю великого философа-шахматиста, доктора Ласкера. Только он один во всем мире носит такие зеленые носочки.

Хозе-Рауль Капабланка-и-Граупера снова поморщился.

Ласкеру проворно подставили мраморную лестницу, и бодрый экс-чемпион, сдувая с левого рукава пылинку, севшую на него во время полета над Силезией, упал в объятия одноглазого. Одноглазый взял Ласкера за талию, подвел его к чемпиону и сказал:

— Помириться! Прошу вас от имени широких васюкинских масс! Помириться!

Хозе-Рауль шумно вздохнул и, потрясая руку старого ветерана, сказал:

— Я всегда преклонялся перед вашей идеей перевода слона в испанской партии с b5 на c4.

— Ура! — воскликнул одноглазый. — Просто и убедительно, в стиле чемпиона! И вся невообразимая толпа подхватила:

— Ура! Виват! Банзай! Просто и убедительно, в стиле чемпиона!!!» [7, с. 241-242].

В васюкинской главе пародируются события московского турнира. И вновь образу Капабланки сопутствует упоминание о женщинах. Создатели романа также отразили конфликт Ласкера и Капабланки. После гаванского матча 1921 года «между Капабланкой и Ласкером были довольно натянутые отношения, они не разговаривали и даже старались не смотреть

друг на друга. Это вызывало некоторое беспокойство в оргкомитете Московского турнира, в первую очередь у его председателя Н. Григорьева, который опасался какого-либо конфликта. Во время партии Ласкер курил сигару, застилая пространство перед собой клубами дыма, это раздражало некурящего Капабланку, он морщился, но сдерживался. После того как соперники согласились на ничью, все представители оргкомитета вздохнули с облегчением. (К концу турнира отношения между Капабланкой и Ласкером наладились)» [1, с. 58].

Само же имя Капабланки в романе использовано как нарицательное, как синоним абсолютного превосходства в какой-либо области. Давая характеристику персонажа Авессалома Изнуренкова, авторы отмечают, что в остроте своих высказываний он был подобен «Капабланке – в шахматах» [7, с. 166].

Восхищаясь мастерством Капабланки, в 1925 году группа московских поэтов-шахматистов написала коллективную шуточную шахматную оду «Его карьера» (1925), начинавшуюся следующими строками:

«Когда торжественный огонь
Объял молодого Капабланку, –
Кто знал, что деревянный конь
Пройдет сквозь мир подобно танку?...» [цит. по: 8, с.14]

Капабланка любил балет и оперу. Приезжая в Россию, он никогда не упускал возможности посетить местные постановки. Его любовь к опере отражена в стихотворении А. Арга «Капабланка» (1935):

«Полвека за доскою проработав,
Он – опытный премьер
Всех шахматных арен –
Горячий, как Хосе из оперы "Кармен",
И нежный, как Рауль из "Гугенотов"» [цит. по: 2, с. 134].

Некоторые из авторов высказывались о шахматисте менее уважительно. Например, Сигизмунд Кржижановский был достаточно критичен в своей реакции на шахматный матч 1927 года, проходивший в столице Аргентины:³ «<...>произошло два землетрясения и один шахматный матч: каждый день два дураковатых парня присаживались к 64 клеткам – у одного было лицо мясника, у

³ В данной связи см. также стихотворение В. В. Маяковского «Нагрузка по макушку» (1928), в котором имеются следующие строки:

«Этот Петя
                                может
  вскачь
критикнуть
                                всемирный матч.
– "Я считаю:
                                оба плохи –
Капабланка и Алехин,
оба-два,
                        в игре юля,
охраняли короля <...>"» [9, с. 76].

другого – приказчика из модногомагазина, – и каким-то образом получалось, что парни и клеточки – в центревсех интеллектуальных интересов, запросов и чаяний» [10, с.42]. Михаил Глушковтакже высмеивал грузность Капабланки в эпиграмме:

«Чуть пополневший Капабланка,
ведет ладью на короля
и вот спокойная ладья
приобретает силу танка» [цит. по: 1, с. 88].

В приведенных выше текстах Капабланка фигурировал по большей части как историческое лицо, отчего его образ конструировался в основном при помощи чисто внешних описаний или упоминаний деталей его биографии. В текстах, где шахматист предстает как литературный персонаж, его внешность отходит на второй план, а первостепенноезначение приобретает прозвище Капабланки – «шахматный автомат» [2, с. 4],⁴ полученное им за умение просчитывать партию на десятки ходов вперед и почти не допускать ошибок.

Один из таких текстов – повесть А. Абрамова «Гибель шахмат» (1926). Гениальный математик профессор Ястребов разгадал секрет шахматной игры и подчинил ее строгим законам алгебраической формулы, создав шахматный автомат нового поколения. Машина настолько умна, что с легкостью побеждает всех подряд известных гроссмейстеров того времени: Капабланку, Ласкера, Рубинштейна и др. Человеческий мозг не в силах противостоять автомату, и становится ясно, что игра в шахматы людям более не интересна. Создатель шахматной машины осознает, что его изобретение грозит «гибелью шахмат» и уничтожает его, а вскоре умирает и сам, унося в могилу секреты создания шахматного автомата.

В своей повести Абрамов усаживает за шахматную доску два «шахматных автомата» – один электронный, а другой живой. Характерно, что публика, наблюдавшая за сражением, подозревает, что за автоматом профессора Ястребова скрывается живой шахматист: «Надо окончательно выяснить, имеем ли мы дело с действительно тонким и сложным механизмом или просто с талантливейшим игроком, почему-то взявшимся мистифицировать публику под псевдонимом шахматного автомата» [12].

Подобное заявление отсылает к знаменитому автомату Вольфганга фон Кемпелена, с которым тот путешествовал по Европе в конце XVIII века. Это была восковая кукла, представляющая человека среднего роста в турецком костюме. «Турок» сидел в кресле, приделанном к прямоугольному ящику. Правая рука его лежала на этом столе, а в левой была табачная трубка, которую убирали перед началом игры, так как автомат играл левой рукой. Перед ним находилась обычная шахматная доска.

---

⁴ Ср. также название статьи Р. Шпильмана о Капабланке: «Победа над “машиной”»: о том, как Алехин победил Капабланку» [11, с. 1]..

Перед началом игры механик раскрывал дверцы автомата и демонстрировал его устройство. Однако «автомат» Кемпелена не был автоматом в чистом виде. Это была смелая мистификация. Внутри автомата прятался живой шахматист и при помощи сложной системы рычажков перемещал фигуры. В течение долгого времени за автомат играли лучшие шахматисты Европы [3, с. 8-9].

Упоминание о шахматном автомате Кемпелена придает повести романтико-мистический характер. Любопытно, что и «живой» «шахматный автомат» – Капабланка, также описан в несколько инфернальных тонах: «По его коричневым, как сигара, губам змеилась тонкая и злая улыбка» [12].

Образ Капабланки как человека-машины развернут и в рассказе В. Мазуркевича «Последняя партия» (1928), действие которого происходит в Ленинграде во время всемирного шахматного турнира на первенство мира. До конца остается два тура. Лидируют советский шахматист Петр Колоколов и представитель Бразилии Бартоломео Диац,⁵ в котором легко угадывается его прототип – Хосе-Рауль Капабланка.⁶

Оба фаворита не потерпели ни одного поражения и поэтому должны встретиться в финале. Однако возлюбленная советского шахматиста Оля случайно обнаруживает, что после каждого хода Диац регулярно выходит в комнату отдыха, где открывает небольшой квадратный ящичек и проделывает с ним таинственные манипуляции. Со своим знакомым математиком, профессором Кречетовым, Оля подкарауливает бразильского шахматиста в тот момент, когда тот в очередной раз удалился в комнату отдыха. Девушка и профессор запугивают чемпиона, и он отдает им свой ящичек, при ближайшем рассмотрении оказавшийся шахматным автоматом.

Профессор Кречетов быстро устанавливает, что автомат Диаца не имеет

---

⁵ Имя бразильского шахматиста фонетически повторяет имя португальского мореплавателя XV века Бартоломеу Диаша (1450 – 1500). Диаш первым из европейцев обогнул Африку и открыл мыс Доброй Надежды.

⁶ Неслучайно противник советского шахматиста – представитель другого континента. Кроме того, бразилец Диац также стремительно сделал шахматную карьеру, как и Капабланка: «Откуда, однако, появилось на шахматном горизонте это новое бразильское светило? Еще недавно никто даже не подозревал о его существовании.

Два года назад на турнир, устроенный городским шахматным клубом в Рио-де-Жанейро, скромно явился немолодой уже Бартоломео Диац. Его знали в городе как инженера-механика, служившего на каком-то заводе, но никто не подозревал в нем шахматных талантов. И вдруг случилось нечто невероятное. Никому неведомый игрок разбил на голову всех городских чемпионов. Совсем, как Цезарь: пришел, увидел... и победил.

Вполне естественно, что когда организовали турнир на звание чемпиона Америки, клуб командировал на этот турнир Бартоломео <sic!> Диаца и поручил ему поддерживать добрую славу шахматистов Бразилии. Он выполнил это поручение с честью. А далее и пошло. Со ступеньки на ступеньку – Бартоломео Диац добрался, наконец, и до Ленинградского турнира на звание чемпиона мира» [13, с.42].

В том, что прототипом Диаца был именно Капабланка, не сомневался и литературный обозреватель журнала «64» А. Новиков. В рецензии на рассказ Мазуркевича он писал: «Матч Алехин-Капабланка породил целую литературу: специальные брошюры, статьи в общей и шахматной прессе, стихи. Несомненно навеянным этим событием является и рассказ В.А. Мазуркевича, “Последняя партия”» [14, с.11].

практической ценности: Диац сам просчитывал лучшие ходы, а автомат их только запоминал. Однако шахматист не верил в собственные силы, а потому, лишившись автомата, проиграл партию Колоколову и покончил самоубийством.

Как и в повести Абрамова, образ шахматного автомата возникает в контексте подозрений в нечестной игре: «Суть всей этой хитрой механики Лашкова уяснить себе не могла, но для нее было очевидно одно: налицо имелось какое-то жульничество; Диац, видимо, прибегал к каким-то шулерским, недозволенным приемам, чтобы обеспечить себе выигрыш» [13, с. 44]. В данной связи любопытно, что в обоих текстах «металлическое чудовище» прекращает игру только тогда, когда умирает его создатель.

Образ Капабланки в советской литературе 1920-1930-х годов формировался в основном из клишированных представлений о его внешности: «улыбчивый», «элегантно одетый», «склонный к полноте», «чемпион», «кубинец», «нравится женщинам». Однако его экзотическая для северного края внешность вкупе с прозвищем «шахматный автомат», прибавляли к его личности нечто демоническое,⁷ отчего в художественных текстах улыбчивый кубинский шахматист вызывал ассоциации с мрачными временами паноптикумов, восковых кукол и самодвижущихся автоматов.

Рефлексия на Капабланку приводила советских авторов не только к размышлению о специфической теме – капитуляции шахматного творчества перед математическим расчетом, но и к более глобальным проблемам технического прогресса в целом. Образ Капабланки в рассмотренных нами текстах Абрамова и Мазуркевича стал олицетворением страха перед машиной-автоматом, обладающей собственной (и не всегда доброй) волей. Слияние человека и машины может грозить гибелью не только шахматам, но и всему человечеству.⁸

Впрочем, несмотря на пугающее прозвище, Капабланка в СССР оставался одним из самых чтимых иностранных шахматистов. К его столетнему юбилею в 1988 году в СССР вышло несколько книг, посвященных визитам Капабланки в Россию,⁹ а двумя годами ранее был снят совместный советско-кубинский фильм-биография «Капабланка»¹⁰ (1986). Помнят о Капабланке и в современной России, о чем свидетельствует вышедший в 2012 году документальный фильм¹¹ о кубинском шахматисте, показанный в эфире одного из российских телеканалов.

⁷ В данной связи отметим также, что Капабланку всегда беспокоила проблема «ничейной болезни» в шахматах, которая обесценивает игру. Капабланка опасался, что прогресс шахматной теории приведет к тому, что любую партию можно будет свести к ничьей, и поэтому периодически предлагал реформировать правила шахматной игры, расширить доску и добавить новые фигуры [2, с. 94].

⁸ Об андроидах в ранней советской прозе подробнее см.: [15, с.3-57].

⁹ См., напр.: Сизоненко А. И. «Капабланка: встречи с Россией» (1988) и Линдер В.И., Линдер И.М. «Капабланка в России» (1988).

¹⁰ «Капабланка» (1986). Киностудия им. Горького. Реж.: М. Эррера.

¹¹ «Капабланка. Любовь и ненависть» (2012). Реж.: А. Горшанов. По заказу телекомпании ТВЦ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сизоненко А. И. Капабланка: встречи с Россией. М.: Знание, 1988. 141 с.
2. Линдер В. И, Линдер И. М. Капабланка в России. М.: Советская Россия, 1988. 268 с.
3. Шахматы: Энциклопедический словарь. / Гл. ред. А. Е. Карпов. М.: Советская Энциклопедия, 1990. 621 с.
4. Катаев В. П. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. Горох в стенку: Юмористические рассказы, фельетоны; Почти дневник; Стихотворения; Спящий. М.: Худож. лит., 1986. 711 с.
5. Куляпин А. Красные и белые: шахматы в СССР // Филология и человек. 2007. №4. С. 40-56.
6. Петров Е. П. Из воспоминаний об Ильфе / Сборник воспоминаний об И. Ильфе и Е. Петрове. М.: Советский писатель, 1963. С. 7-26.
7. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев / Оформл. худ. Ю. Боярского. М.: Худож. лит., 1980. 295 с.
8. Новиков А. А. Шахматный архив // «64: Шахматы и шашки в рабочем клубе» 1928. № 17. С. 14.
9. Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. / подгот. текста и примеч. В. А. Арутчевой. Т. 9. Стихотворения 1928 года и очерк «Рожденные столицы». М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 612 с.
10. Кржижановский С. Д. Собр. соч.: в 6 т. / Сост. и комм. В. Перельмута. Т. 3. Неукушенный локоть. СПб.: «Симпозиум», 2003. 673 с.
11. Шпильман Р. Победа над “машиной”: о том, как Алехин победил Капабланку // «64. Шахматы и шашки в рабочем клубе». 1928. №1. С. 1.
12. Абрамов А. И. Гибель шахмат. М.: Физкультура и спорт, 1926. 16 с. URL: <http://litbook.net/book/39324/gibel-shahmat/page-1/> (дата обращения: 08. 05. 2017).
13. Мазуркевич В. А. Последняя партия // Мир приключений. 1928. № 3. С. 42-48.
14. Новиков А. А. Шахматный архив // «64. Шахматы и шашки в рабочем клубе». 1928. № 11. С. 11-12.
15. Яблоков Е. А. В зарослях пустоцвета / Живые куклы. Сост., вступит. статья, примеч. Е. А. Яблокова. М.: Совпадение, 2016. 752 с.